

Вацлав Михальский пришел в литературу в 70-е годы, когда в московских журналах были опубликованы его повести и рассказы, обнаружившие природное дарование автора, его очевидное литературное мастерство, хорошую школу. Собранная теперь в одном томе, проза В. Михальского при всей ее разножанровости и разнотемности закрепляет и утверждает первые читательские впечатления.

Впрочем, разнотемность — кажущаяся. Каким бы жизненным явлениям ни уделял внимание писатель, его «чувствуемая мысль» постоянно сосредоточена на главном — на нравственной сущности, истинном достоинстве любимых им героев и на психологически точном и бескомпромиссном развенчании их антиподов — людей недостойных.

Да и разножанровость тоже относительна: вошедшие в одно томики роман «17 левых сапог», повести «Печка», «Баллада о старом оружии», «Катенька», «Холостая жизнь», рассказы «Капитолийская волчица» и «Кошка на дереве», лирико-повествовательные циклы «В надежде славы и добра...», «Все уносящий ветер...» и «Десять воспоминаний», объединяющие три, пять и десять лаконичных, чрезвычайно емких психологически, изобразительно-пластичных зарисовок, — все это образует единое повествование, «где автор — жизнь сама». Но именно потому и образует, что соавтором изображаемой жизни стал талантливый художник, сумевший найти точный способ по-

каза человеческих судеб, времени и выражения своих знаний о них, — систему жанров. Поэтому бессмысленно пересказывать фабулу повести или рассказа Михальского. Пересказ отдельных эпизодов ничего не передаст, настолько важны общий тон, вся атмосфера повествования, настолько определяющим оказывается единый композиционный центр предельно плотного повествования — характеристики самых интересных для писателя исторических вершин — нашей современности и событий Великой Отечественной, на долгие годы определившей и человеческие судьбы, и характер времени на каждом новом этапе его движения.

Казалось бы, Вацлав Михальский излишне ограничивает сферу изображаемого. Это проявляется не только в том, что все его герои живут в южном принаписном городе или возвращаются туда — к своему жизненному началу. И не только в обостренном интересе писателя к сложным взаимоотношениям характеров, к нюансам и оттенкам душевного состояния его героев. В самом сознательном ограничении объекта изображения обозначена авторская позиция, его стремление и умение исследовать суть явлений, их истоки, динамику развития, результаты, а еще в большей мере — изобразить и осмыслить душевную красоту и благородство «незаметных» людей. Да, Вацлаву Михальскому не просто любопытны такие люди, как одиозный старик, больничный сторож Адам-Алексей с его трагической солдатской судьбой в романе «17 левых сапог», как старая горянка Патимат, отправляющаяся на войну, чтобы вручить сыновьям дедовское оружие, как старый доктор Григорий Васильевич Марков в повести «Катень-

СУДЬБА И ВРЕМЯ

на» или больничная регистраторша с пятидесятилетним стажем — «мама Фиса» в рассказе «Капитолийская волчица»... Он влюблен в этих людей и откровенно в своей любви признается. Как столь же откровенно признается в неприязни, в душевном неприятии пруспевающих дельцов от науки, добивающихся «степеней известных», — Николая Артемьевича (в романе) или Игоря Никульского (повесть «Холостая жизнь»). Михальский умеет быть беспощадным, он находит самые точные краски для выражения своей неприязни, давая возможность таким «героям» предстать перед читателем в истинном их обличии. Он не оставляет у читателя сомнений относительно их нравственного уровня, бескомпромиссно вынося им приговор.

Остроконфликтные и потому остроосужетные произведения В. Михальского композиционно организованы на основе резкого контраста — столкновения добра и зла, высокой нравственности и безнравственности. Самим построением своего повествования писатель «проецирует» действительность, создает ее модель, воплощая свою художни-

Вацлав Михальский. «Все уносящий ветер...». Роман, повести, рассказы. Издательство «Советский писатель», 464 стр. 1 руб. 90 коп.

ческую концепцию человеческих характеров и взаимоотношений. И сюжеты он строит так, что держит читателя в постоянном напряжении, вовлекает в динамику изображаемой жизни, заставляя сопереживать, напряженно всматриваться и вдумываться в истории роста героев, в их характеры и судьбы. Тем более что любимые им герои — натуры страстные и талантливые, душевно щедрые и бескорыстные.

Необходимое условие художественности — напряженность и динамика сюжета, — к сожалению, не столь уж постоянный признак современной прозы о «буднях», о «незаметных» людях. Михальский наделен даром увлекать читателя. Он смело взводит в повествование внутренние монологи, и тогда судьба героя, время, которое формирует его характер, как бы высвечиваются изнутри.

В. Михальский владеет и искусством традиционного эпического повествования, дающего возможность единственно необходимыми штрихами обозначить время и судьбу героя, изображаемого объективированно, однако отнюдь не бесстрастно.

«Вацлав Михальский, — пишет Катаев, предвзята односторонним, — сразу обратил внимание читателей и критики свежестью своего незаурядного таланта. У него верный глаз, острый аналитический ум. Он прекрасно владеет словом и знает ему цену. Ведущая сила его творчества — воображение».

Леонид ЗАМАНСКИЙ
МАГНИТОГОРСК